

VII.

Значеніе митрополита Филарета въ исторіи русской проповѣди ¹⁾.

Ваше Святѣйшество, высокочтимые архипастыри, досточтимое собраніе!

Смогло художественное, важное слово, полѣтка и болѣе полѣтка раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны Богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ Божественныхъ вѣтинъ“ (И. С. Аксаковъ).

Въ ореолѣ неумирающей славы, окружающемъ величавый историческій обликъ митрополита Филарета, наиболѣе поражала современниковъ *слава церковнаго витіи*. Филаретъ, какъ *несравненный проповѣдникъ*, былъ для широкихъ слоевъ общества *болѣе осязаемъ, болѣе виденъ*, и потому болѣе поразителенъ, чѣмъ въ другихъ проявленіяхъ своего генія. „Слава проповѣдническаго дара была постояннымъ спутникомъ служенія“ ²⁾ митрополита Филарета, и „эта слава, какъ проповѣдника, *предваряла* славу его служенія на всѣхъ другихъ поприщахъ“ ³⁾.

¹⁾ Речь въ торжественномъ засѣданіи Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія и корпораціи Московской Духовной Академіи подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Святѣйшества, Святѣйшаго Патріарха Тихона—въ залѣ Московской Духовной Семинаріи 3 декабря 1917 г. въ память 50-лѣтія со дня кончины м. Филарета.

²⁾ Изъ привѣтственнаго адреса Петроградской Духовной Академіи въ день пятидесятилѣтняго юбилея митрополита Филарета.

³⁾ Зарницкій, Филаретъ м. Московскій какъ проповѣдникъ (С. П. Б. 1898), стр. 12.

Именно даръ проповѣдничества рѣзко выдвинулъ Филарета изъ среды его сверстниковъ въ годы ученія въ Троицкой семинаріи, сдѣлавъ его любимцемъ знаменитаго церковнаго витія—архипастыря Екатеринбургской эпохи—митрополита Платона, и поставилъ его на путь восхожденія по степенямъ церковно-іерархическаго величія: замѣтивъ въ Филаретѣ еще въ бытность его на школьной скамьѣ „особенный даръ проповѣдничества“, великій архипастырь-витія „особливое прилагаль, въ разсужденіи его воспитанія, отеческое стараніе“¹⁾, поощряя постояннымъ вниманіемъ и отеческою любовію; а по окончаніи курса сдѣлавъ его учителемъ поэзій въ семинаріи и проповѣдникомъ при Троицкой Лаврѣ.

Эта же слава церковнаго витія, отмѣченная вниманіемъ м. Платона, обратила на него взоры высшей церковной власти—друга м. Платона,—первенствующаго члена Св. Синода м. Амвросія Новгородскаго, и изъ провинціальной тишины выдвинула въ самый центръ церковно-общественной жизни: въ Петербургъ, въ наставники сначала семинаріи, а потомъ новообразованной Академіи. Здѣсь, именно проповѣдничество пріобрѣтаетъ ему особенное вниманіе у лицъ, стоявшихъ у кормила церковнаго и государственнаго правленія и даже до самого Императора и царской фамиліи: Филаретъ получаетъ рядъ наградъ и повышеній, до поста ректора академіи, съ прямымъ иногда указаніемъ, что они дѣлаются „за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія“. Даже родитель Филарета, провинціальный коломенскій священникъ, въ концѣ 1811 года, когда Филаретъ былъ еще только бакалавромъ академіи, получаетъ небывалую въ его положеніи награду, именно сразу два отличія: камлавку, по представленію Св. Синода, и наперстный крестъ по представленію оберъ-прокурора, при чемъ официально объявлялось, что это дѣлается „по особенному благоволенію Монарха, къ сыну награждаемаго, толико ознаменовавшему себя на поприщѣ проповѣданія слова Божія“.

Одновременно, проповѣди ставятъ Филарета въ центрѣ

¹⁾ Сущковъ, Записки о жизни и времени святителя Филарета м. Московскаго (М. 1868), стр. 44. См. также *наша* очеркъ „Платонъ и Филаретъ, митрополиты Московскіе. (Сравнительная характеристика ихъ нравственнаго облика)“. Сергіевъ Посадъ, 1913.

литературныхъ движеній времени въ качествѣ выдающагося члена извѣстныхъ литературныхъ обществъ и кружковъ того времени—„Весѣды любителей русскаго слова“, основанной Шишковымъ, кружка, собиравшагося у А. Н. Оленина и друг., и обращаютъ на него, такимъ образомъ, взоры всего образованнаго общества. Въ литературномъ мѣрѣ Филаретъ-проповѣдникъ занимаетъ, въ сознаниіи многихъ, мѣсто рядомъ съ Карамзинымъ. Знаменитый графъ Сперанскій, по поводу разсужденія Шишкова „о старомъ и новомъ слогѣ“, заявляетъ: „я не знаю ни того, ни другого: я знаю только слогъ *Карамзина и Филарета*“ ¹⁾. Уже въ самомъ началѣ своего церковно-іерархическаго служенія—на посту профессора и ректора Петербургской Академіи—Филаретъ затмилъ собою славу *всѣхъ* современныхъ ему выдающихся церковныхъ витій (какъ напримѣръ архіепископа Теофилакта Русанова, митрополита Михаила Десницкаго); и во все послѣдующее время жизни Филарета, до 60-хъ годовъ, его проповѣдь представлялась въ сознаниіи образованнаго общества и особенно духовенства недосыгаемымъ образцомъ проповѣдничества, достойно помѣряться съ которымъ дерзнула только одинъ младшій современникъ Филарета, гениальный церковный витія—Иннокентій (Борисовъ), архіепископъ Херсонскій, но даже и это дерзновеніе послѣдняго, несмотря на его очевидныя на то права, долго смущало большинство церковнаго общества, которое никакъ не могло примириться съ мыслию, чтобы какой либо церковный витія могъ стать вровень съ Филаретомъ. И даже до нашихъ дней старшее поколѣніе духовенства отъ столицъ до самыхъ глухихъ угловъ провинціи живетъ памятью о Филаретѣ, какъ недосыгаемомъ образцѣ проповѣдничества. Мы, молодое поколѣніе, съ раннихъ лѣтъ, еще до лѣтъ нѣсколькаго образованія, въ домахъ своихъ отцовъ и дѣдовъ привыкли слышать имя Филарета въ окруженіи чувствъ удивленія и преклоненія предъ недосыгаемыми достоинствами его проповѣдей, и эти чувства безсознательно, глубоко впитали въ себя, и живемъ ими до настоящаго дня. И я смѣю думать, что изъ пришедшихъ на настоящее наше учено-общественное поминаеніе великаго іерарха, многихъ, какъ и меня, привлекли сюда

¹⁾ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго г. II. стр. 77—78. прим.

прежде всего и больше всего именно эти отцовскія и дѣдовскія чувства преклоненія предъ Филаретомъ, какъ знаменитымъ проповѣдникомъ. Хотѣлось бы получить объективное обоснованіе этихъ чувствъ, хотѣлось бы, чтобы въ настоящій священный моментъ поминовенія великаго іерарха-вѣтн традиціонно-унаслѣдованныя чувства переродились въ сознательное, глубокое убѣжденіе.

Но было бы глубокой ошибкой, если бы кто сталъ пытаться искать обоснованія своимъ традиціоннымъ, отцовскимъ и дѣдовскимъ, чувствамъ къ Филарету съ точки зрѣнія тѣхъ задачъ и требованій, которыя предъявляетъ къ проповѣди эпоха послѣ—Филаретовская, эпоха отъ 60-хъ годовъ и особенно настоящій трагически-бурный моментъ всеобщей государственной разрухи. Всякій геній, въ какой бы области ни былъ, всегда—сынъ своей исторической эпохи, а эпоха Филарета „сошла въ могилу“¹⁾ почти одновременно, вмѣстѣ съ нимъ самимъ.

Эпоха Филарета, это—эпоха суроваго режима второй половины царствованія императора Александра I и особенно царствованія Николая I. Всякая общественная самодѣятельность въ эту эпоху сначала была стѣняема до крайности, а потомъ почти вовсе задушена; самостоятельно мыслить и публично, особенно печатно, разсуждать о государственныхъ и общественныхъ нуждахъ, насущныхъ запросахъ и задачахъ, строжайше запрещалось и всѣмъ мѣрами возбранялось. На всякій шагъ общественной и даже частной дѣятельности, на всякое слово, даже домашнее, постепенно наложены были удушающія оковы полицейскаго сыска, усмотрѣнія, производа и цензурнаго гнета. „Не разсуждать—повиноваться“—вотъ основное правило, которое было послѣдовательно проводимо въ общественную жизнь Николаевскимъ правительствомъ и которое создало на поверхности русской общественной жизни *могильную тишину*.

Все было сковано, нивелировано оковами желѣзной дисциплины, какъ бы затянута въ однообразный мундиръ: „мундиръ, одинъ мундиръ“,—въ отчаяніи характеризуетъ это время одинъ изъ современниковъ. Лишенное возможности приложить свои силы къ строительству жизни обще-

¹⁾ Н. С. Аксаковъ въ газетѣ „Москва“ за 1867 г. № 184.

ственной и государственной, образованное русское общество направило эти силы въ ту сферу, которая оставалась и по существу была недостижимой для правительственнаго воздействия—въ область отвлеченнаго умозрѣнія, или же эстетическаго созерцанія. Русское образованное общество послѣдовательно переходитъ изъ русла мистицизма въ русло мысли Шеллинга, затѣмъ Гегеля, и далѣе Фихте, Фейербаха, „утопическаго“ социализма Фурье, наконецъ, Маркса. Въ эту эпоху, пишетъ одинъ изъ выдающихся историковъ русской общественности ¹⁾, жизнь становится „такъ однообразна и скучна въ своемъ теченіи, что интересоваться ея видимостью нельзя, и для всякаго человѣка чуткаго и умнаго остается одинъ выходъ: это—отвлечение отъ фактовъ и перенесеніе своего интереса на ту общую мысль, на тотъ общій смыслъ, который должны же имѣть эти разрозненные факты, столь ничтожныя и сѣрые, если ихъ брать по одиночкѣ“. Стремленіе къ отвлеченной обобщающей мысли, которая помирила бы человѣка съ окружающей его безцвѣтной обстановкой; истолковала бы ему смыслъ того, что не поражаетъ его ни красотой, ни разнообразіемъ, ни неожиданностью; которая, наконецъ, связала бы въ одно цѣлое все, что онъ успѣлъ узнать о прошломъ и что успѣлъ схватить въ настоящемъ—это стремленіе сказывается очень ясно въ передовыхъ кругахъ общества, особенно въ критикѣ, публицистикѣ и литературѣ Николаевскихъ временъ.

Извѣстные очаги общественной мысли того времени—кружки Станкевича и Герцена были кружками теоретиковъ, по преимуществу. Пусть въ одномъ кружкѣ преобладалъ интересъ къ чистому умозрѣнію и къ эстетикѣ, а въ другомъ къ социальнымъ вопросамъ,—но для членовъ и того и другого кружка *общій смыслъ* явленій былъ дороже ихъ видимости. Эту видимость они готовы были всегда истолковать въ угоду извѣстной теоріи; и того, что называется практическимъ смысломъ, у нихъ было очень мало; не было въ нихъ и способности только лишь любоваться фактомъ и довольствоваться впечатлѣніемъ, какое онъ производитъ. Они всегда и обо всемъ *размышляютъ*. Этимъ именно объ-

¹⁾ Н. Котляревскій, Литературныя направленія Александровской эпохи (1913), стр. 377—378.

ясняется ихъ увлеченіе отвлеченностями нѣмецкой философіи, которая повидимому такъ далека отъ русской жизни: она для нихъ была цѣнна тѣмъ, что давала готовые формулы для ихъ теоретическихъ выкладокъ. Изъ этихъ же иностранныхъ философскихъ формулъ, съ примѣсью національнаго сентимента, выводили свое ученіе и наши славянофилы. И они были теоретиками и мыслителями по преимуществу, съ весьма малымъ чутьемъ реальнаго факта. Со многими, даже нежелательными явлениями нашей жизни они готовы были помириться, прикрывъ ихъ отвлеченнымъ истолкованіемъ.

Столь же отвлеченной, какъ эта публицистическая и историческая мысль, становится въ тѣ годы и художественная критика. Сначала Надеждиныхъ, затѣмъ Вѣлинскій превращаютъ критику въ философско-эстетическій трактатъ. Критикъ начинаетъ доискиваться главнымъ образомъ смысла тѣхъ произведеній искусства, которые останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Сначала его интересуеть больше всего самый процессъ художественнаго творчества, затѣмъ общій смыслъ тѣхъ явленій жизни, которыя воплощены въ художественныхъ образахъ. И только въ средніе сороковыхъ годовъ критикъ начинаетъ цѣнить художественные памятники, какъ документы данной исторической эпохи. Это стремленіе отбѣнить въ живыхъ явленіяхъ дѣйствительности прежде всего ихъ общій смыслъ проникаеть и въ область чистаго художественнаго творчества... Вторженіе обобщающей мысли въ искусство сказывается ясно въ произведеніяхъ писателей Николаевской эпохи. — Всѣ повѣсти Герцена этико-соціальныя мысли въ формѣ беллетристическаго разсказа. Повѣсти кн. В. Ѳ. Одоевскаго также ничто иное, какъ философскія и этическія разсужденія въ лицахъ. Но самый характерный примѣръ вторженія мысли въ творчество и яркій примѣръ борьбы этой мысли съ творчествомъ даетъ исторія развитія таланта Гоголя. Рѣдко являлся художникъ, который бы такъ умѣлъ непосредственно и вѣрно схватывать дѣйствительность, какъ Гоголь. Въ особенности веселая и комическая сторона жизни была ему хорошо видна. Но съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей литературной работы Гоголь былъ убѣжденъ, что онъ призванъ не только изображать

жизнь, но и разгадать ее таинственный смысл ¹⁾. „Воспитавшийся на литературѣ 40 годовъ и до конца дней своихъ сохранившій о ней благодарную память, Щедринъ вспоминаетъ о „трогательно-благородномъ“ характерѣ ея отчужденности отъ насущныхъ вопросовъ жизни. Она, „какъ сказочная царица, была заключена въ неприступномъ чертогѣ и тамъ дремала, окутанная сновидѣніями“ ²⁾.

Въ эту эпоху, эпоху господства въ образованномъ обществѣ созерцательной мысли, „размышленія“, умозрѣнія, естественно, и церковная проповѣдь, обращенная къ русскому обществу, становится на тотъ же путь созерцанія, умозрѣнія, „размышленія“. — Великимъ представителемъ этой проповѣди и является м. Филаретъ, типичнѣйшій сынъ Николаевской эпохи.

Самъ Филаретъ совершенно ясно сознавалъ общій характеръ своей проповѣди: онъ самъ называетъ свои проповѣди „размышленіями, изслѣдованіями, разсужденіями“. Такого же направленія были и проповѣди старшаго современника Филарета—архіепа. Теофилакта Русанова. Но въ то время, какъ Теофилактъ пытался вести свои „размышленія“ въ плоскости тѣхъ идей и понятій, которыми жили тѣ или другіе представители общественной мысли, пытался дать освѣщеніе, оцѣнку этимъ идеямъ и понятіямъ съ точки зрѣнія христіанской, Филаретъ оставляетъ въ сторонѣ современныя философско-умозрительныя настроенія и системы, но ставитъ себя задачей—въ связи съ ними, независимо отъ нихъ, дать свое, чисто христіанское, церковное умозрѣніе, основанное полностью и исключительно на свящ. Писаніи и догматахъ Церкви. „Въ наше время, говоритъ Филаретъ въ одной изъ проповѣдей,—въ наше время, когда люди болѣе прежняго „выскакаша помысловъ многихъ“ (Евкл. VII, 30), когда съ раннихъ лѣтъ жизни стараются возбуждать и усиливать *мысленную* дѣятельность... особенно нужно воззывать людей къ размышленію, основательному, чистому, возвышенному, благочестивому“ ³⁾. Филаретъ—

¹⁾ Н. Котляревскій, Литерат. направленія Александровской эпохи, стр. 379—380.

²⁾ Исторія русск. литературы XIX в. подъ ред. Овсянико Куйковскаго, т. III, стр. 224.

³⁾ Слова и рѣчи. ч. V, стр. 152 (М. 1885).

проповѣдникъ выступаетъ среди современныхъ представителей общественной мысли вровень съ ними, какъ самостоятельный мыслитель, изслѣдующій, какъ и они, высшія, общія основы, начала жизни; но, если тѣ ищутъ этихъ основъ и началъ въ сферѣ естественныхъ явленій, Филаретъ изслѣдуетъ и раскрываетъ лишь *религіозныя основы и начала жизни*. Его мысль вращается не въ области основоположеній современной философской мысли, какъ у современныхъ свѣтскихъ мыслителей, или какъ у архіеи. Теофилакта, а въ области основоположеній, догматовъ церковной вѣры, истинъ и фактовъ Божественнаго Откровенія. Его испытующая мысль поднимается выше плоскости философскихъ идей и понятій времени, она на нихъ не опирается, въ нихъ не облачается и съ ними не борется. Она стремится, по мѣрѣ возможности, постигнуть начала и священно-таинственные факты, о которыхъ возвѣщаетъ Божественное Откровеніе, и въ своихъ изысканіяхъ желаетъ опираться исключительно на боговдохновенныя слова Откровенія—*Свящ. Писанія, въ его церковномъ святоотеческомъ истолкованіи*.

Проповѣдь Филарета, чуждая въ общемъ полемическаго элемента, вся основана на истолкованіи библейскаго текста въ такой мѣрѣ, какъ ни у одного другого русскаго проповѣдника. Истолкованіе того или другого избраннаго библейскаго текста даетъ ему основную мысль—тему каждой отдѣльной проповѣди, истолкованіе другихъ текстовъ даетъ ему основу для утвержденія отдѣльныхъ аргументовъ при раскрытіи основной мысли или темы, и такимъ образомъ все содержаніе проповѣди, какъ въ основной, такъ и второстепенныхъ мысляхъ, является обоснованнымъ на текстѣ Свящ. Писанія. *И не только въ содержаніи, но и въ построеніи и стилѣ* проповѣдь Филарета обосновывается на Свящ. Писаніи. Въ проповѣдяхъ Филарета не рѣдко текстъ Свящ. Писанія даетъ не только основную мысль, но и опредѣляетъ самую форму проповѣди, ея построеніе, такъ что проповѣдь и по своей формѣ является „строгимъ экзегетическимъ развитіемъ библейскаго текста“¹⁾, поражающимъ священно-художественной симметричностью своего построенія,—становится, какъ говорятъ гомилеты Запада—„художественной гомилией“. Изъ

¹⁾ Толмачевъ „Духъ христіанства“ 1861—62 г., стр. 495.

свящ. Писанія Филареть беретъ богатство образовъ для художественно-яркаго воплощенія своихъ мыслей, и оттуда же, изъ славянскаго текста Библии, заимствуетъ богатство словъ и даже словообразованій для соответствующаго словеснаго выраженія этихъ мыслей.—Въ неподражаемо искусномъ, гениальномъ достиженіи этой органической соответственности проповѣди — Свящ. тексту, одновременно и гармонически какъ по содержанію, такъ и по построенію и стилю—и заключается величайшая заслуга Филарета въ исторіи русской проповѣди.

Конечно, священный текстъ Писанія всегда и всюду, во все периоды развитія проповѣди, считался и полагался въ основу проповѣди, потому что и самая проповѣдь, по существу своему, есть ничто иное, какъ освѣщеніе современной жизни свѣтомъ Свящ. Писанія. Содержаніе Свящ. Писанія и содержаніе современной жизни—вотъ два элемента, гармонически правильное взаимосочетаніе и взаимопроникновеніе которыхъ образуетъ проповѣдь. Но это взаимоотношеніе достигается проповѣдью лишь постепенно и относительно: это—крайняя цѣль, къ которой она всегда стремится, но никогда вполне не достигаетъ.

Вся исторія проповѣди есть исторія борьбы между собою этихъ двухъ основныхъ элементовъ, исторія попытокъ достигнуть ихъ вполне правильнаго и совершеннаго взаимосочетанія такъ, чтобы Свящ. Писаніе освѣщало содержаніе современной жизни, но и не вытѣсняло собою вовсе самое это содержаніе, и наоборотъ, чтобы содержаніе современной жизни, вмѣсто того, чтобы быть освѣщаемо свѣтомъ Свящ. Писанія, само не стало бы собою освѣщать текстъ Свящ. Писанія, давать ему свой смыслъ, вкладывать въ него себя самого, проще говоря—облекаться само въ одежду текста Свящ. Писанія. Уклоненіе проповѣди на путь къ первой крайности—означаетъ низведеніе ея къ простому повторенію свящ. Писанія, уклоненіе на путь ко второй крайности означаетъ проведеніе чисто человѣческаго содержанія подъ видомъ Свящ. Писанія.

Русская проповѣдь до Филарета, въ продолженіе болѣе столѣтій, обнаруживала сильное, глубокое тяготѣніе ко второй крайности.

Какъ извѣстно, съ половины, приблизительно XIII вѣка и

до начала XVIII в. у насъ на Руси не было вовсе живої проповѣди. Она появилась у насъ собственно только въ началѣ XVIII вѣка, и ведетъ свое начало отъ представителей южнорусской схоластической проповѣди,—Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго, и Теофана Прокоповича, архіепископа Новгородскаго. Ихъ проповѣдь, какъ и всякая схоластическая проповѣдь, грѣшила сильнымъ уклономъ въ сторону второй крайности: она вся обосновывалась на Свящ. Писаніи, но такъ, что отъ Свящ. Писанія она брала только форму для себя, только основу для плана, только образы и слова для выраженія мыслей, а мысли вкладывала въ текстъ Писанія, заимствованныя изъ житейскаго или школьнаго обихода. Вотъ, напримѣръ, Стефанъ Яворскій беретъ въ основаніе слова текстъ Луки II 21: „обрѣзаху Его и нарекоша имя Ему Іисусъ“ и вкладываетъ въ него совершенно чуждую ему мысль: „намъ отсюда наука, да увѣдаемъ, яко высокое имя, великое титуло не безъ страданія, не безъ терпѣнія, не безъ крове“. Мысль эта, сама по себѣ совершенно вѣрна, но столь же очевидно, что изъ даннаго текста она никакъ не слѣдуетъ: какъ извѣстно, обрѣзаніе было актомъ, примѣнявшимся ко всѣмъ еврейскимъ младенцамъ, и нисколько не отличало Спасителя отъ другихъ соплеменниковъ. Текстъ Свящ. Писанія далъ проповѣднику только исходныя образы и слова для выраженія мысли, этому тексту совершенно чуждой.

Или вотъ Стефанъ беретъ въ основу проповѣди текстъ евангелія о томъ, какъ Господь подалъ руку помощи утопающему ап. Петру и выводитъ изъ него совершенно неожиданную мысль, что Господь надѣлялъ императора Петра I-го пятью доблестями—крѣпостью, вѣрой, терпѣніемъ, любовью къ ближнимъ и смиреніемъ. Какимъ же образомъ? Въ текстѣ говорится объ апостолѣ Петрѣ; этого достаточно, чтобы приложить текстъ къ одноименному съ апостоломъ императору Петру; въ текстѣ говорится, что Господь простеръ Петру руку; а рука человѣческая имѣетъ пять перстовъ: „первый перстъ нарицается крѣпкимъ, потому что онъ крѣпче всѣхъ перстовъ, какъ это каждый знаетъ по опыту. Второй называется указательнымъ, потому что тѣмъ перстомъ что нибудь указываютъ. Третій называется среднимъ. Четвертый—перстеноснымъ, потому что на немъ носятъ перстни.

Пятый, самый меньшій уховой, потому что имъ уши вычипають“. Свойство каждаго изъ этихъ пяти перстовъ совпадаетъ, по мнѣнію проповѣдника, со свойствами пяти указанныхъ доблестей и потому пять перстовъ руки, поданной Господомъ ап. Петру, означаютъ пять доблестей, поданныхъ выше императору Петру; о каждой изъ этихъ доблестей и говоритъ послѣдовательно проповѣдникъ въ своей проповѣди.

Изъ всего евангельскаго повѣствованія Стефанъ беретъ только одинъ внѣшній образъ: „Христось, простирающій руку“ и наполняетъ этотъ образъ содержаніемъ, совершенно чуждымъ евангельскому повѣствованію; по своей внѣшней сторонѣ, по изложенію и построенію, проповѣдь дѣйствительно основана на библейскомъ текстѣ, но по содержанію отъ него совершенно независима.

Таковъ былъ существенный недостатокъ русской проповѣди при появленіи ея у насъ въ началѣ XVIII столѣтія. Вся дальнѣйшая исторія проповѣди отъ Стефана до Филарета представляетъ послѣдовательный рядъ попытокъ къ освобожденію отъ этого недостатка, попытокъ ближе подойти не только по формѣ, но и по содержанію къ тексту Свящ. Писанія. Но до Филарета ни одному изъ выдающихся представителей русской проповѣди не удалась эта задача въ полной мѣрѣ.

Младшій современникъ Стефана знаменитый витія Теофанъ Прокоповичъ въ своихъ теоретическихъ сужденіяхъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ мысли о необходимости обоснованія проповѣди на Свящ. Писаніи не по формѣ лишь, но и по содержанію; но практически, хотя значительно освобождается отъ недостатка, проявившагося въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго, однако, въ большинствѣ случаевъ, подъ прикрытіемъ библейскихъ изрѣченій, онъ все же проводитъ чуждые имъ политическіе взгляды и идеалы Петра Великаго.

Въ эпоху—отъ Петра до Елизаветы проповѣдь снова испадаетъ на уровень Стефановскаго отношенія къ Свящ. Писанію и даже еще ниже.

Со времени знаменитаго витія конца Елизаветинской эпохи епископа Гедсона Криновскаго русская проповѣдь начинаетъ снова возражаться и пытается даже равняться съ проповѣдью знаменитыхъ французскихъ проповѣдниковъ эпохи Людовика XIV, особенно Массильона, подъ вліяніе которыхъ

она явно и, нужно сказать, съ пользою для себя, теперь становится. Но проповѣдники Екатерининской эпохи, при всемъ литературномъ блескѣ своихъ проповѣдей и несомнѣнномъ большомъ успѣхѣ, въ смыслѣ приближенія не только къ формѣ, но и содержанію Свящ. текста, все же, подъ прикрытіемъ библейскаго текста, сплошь и рядомъ проводятъ модныя идеи времени, особенно принципы естественной морали. Своего высшаго развитія въ Екатерининскую эпоху русская проповѣдь достигла въ лицѣ знаменитаго великаго учителя м. Филарета—Митрополита Московскаго Платона. Его блестящіе въ литературномъ отношеніи проповѣди захватываютъ свящ. текстъ небывало глубоко и со стороны содержанія и со стороны формы, но все же со стороны формы значительно глубже, чѣмъ со стороны содержанія: все же и у него библейское содержаніе подмѣняется въ значительной мѣрѣ естественной моралью; и библейскою формою,—священнымъ текстомъ и священными образами,—прикрываются идейные элементы, этой формѣ чуждые.

И только генію Филарета удалось исполнѣть разрѣшить задачу, которой не могла разрѣшить русская проповѣдь въ продолженіе цѣлаго столѣтія, достигнуть цѣли, къ которой она все время стремилась въ лицѣ выдающихся своихъ представителей.—Въ литературномъ отношеніи проповѣдь Филарета достигла такой высоты, что первыя проповѣди его въ Петербургѣ вызвали на него подозрѣніе, что онъ „обокралъ Массильона“. Въ области литературнаго стиля Филаретъ дѣлаетъ въ проповѣди такой же огромный шагъ впередъ, какой Карамзинъ въ литературѣ свѣтской: между стилемъ проповѣдей Филарета и стилемъ его знаменитаго великаго учителя—Платона такая же очевидная громадная разница, какъ между стилемъ Карамзина и стилемъ его предшественниковъ въ исторіи литературы. Но главное не въ этомъ. Главное въ томъ, что блестящія литературныя достоинства проповѣди не препятствуютъ ей достигать удивительной гармоніи формы и содержанія, и между собою, и съ формою и содержаніемъ библейскаго текста. „При раскрытіи извѣстной истины Филаретъ не только главныя, но и частныя мысли и доказательства заимствуетъ или выводитъ изъ текста. Для этого положенный въ основаніи проповѣди текстъ онъ внимательно разсматриваетъ съ различныхъ сторонъ, именно:

въ отношеніи его къ себѣ самому, разбирая слова и выраженія, заключающіяся въ текстѣ; въ отношеніи къ соприкосновеннымъ ему текстамъ или къ контексту рѣчи,—также въ сравненіи съ другими, подобными ему мѣстами писанія и, наконецъ, въ соображеніи съ различными его обстоятельствами, каковы: цѣль текста частная и общая, особенное nambrenie св. Писанія, побудительныя причины, современные случаи, нравственный характеръ лица, говорящаго въ библии и т. п.—Будучи основательнѣйшимъ и глубокимъ знатокомъ св. Писанія и опытнѣйшимъ экзегетомъ его, м. Филаретъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ проникалъ въ содержание текста, выбраннаго для проповѣди, осматривалъ его со всѣхъ сторонъ и раскрывалъ глубину его содержанія. Одновременно съ этимъ, глубокая сосредоточенность мысли, строжайшая послѣдовательность въ развитіи взятой темы, сила диалектики составляютъ неотъемлемыя принадлежности каждой его проповѣди. Сжатость и совершенная чистота, строжайшая правильность, художественность или изящество и въ то же время „простога“ являются отличительными свойствами слога его образцовыхъ словъ ¹⁾. Совершенно справедливо писалъ о м. Филаретѣ знаменитый преемникъ его проповѣднической славы и ученикъ архіепископа Харьковскій Амвросій: „Всюду единственный, вездѣ неподражаемый, въ Божь почившій святитель создалъ своими писаніями особый міръ, неудободостигаемый для обыкновеннаго ума. Это—идеаль, и мѣрою приближенія къ сему идеалу долго будетъ измѣряться достоинство церковнаго писателя. Удѣль его литературныхъ трудовъ—бессмертіе, наряду со всѣми геніальными произведеніями. Его творенія блещутъ мыслями, какъ алмазами. Его слово—какъ будто сковано изъ стали и золота“. Его проповѣди „навсегда останутся недостигаемымъ идеаломъ церковной проповѣди глубокой, блестящей обиліемъ, силою и высотой мысли,—идеаломъ, къ которому долженъ стремиться всякій проповѣдникъ православной церкви... Всегда будутъ изучать ихъ, какъ образецъ истинно-христіанскаго витійства въ православной Россіи“ ²⁾.

Но, признавая проповѣдь Филарета идеаломъ церковной

¹⁾ Ченикъ, М. Филаретъ, какъ гомилетикъ, стр. 24—25. Тверь, 1892.

²⁾ Душеносл. Чт. 1868 г., январь, стр. 42.

проповѣди, „нельзя забывать, что всякіи гениі, въ какой бы то ни было области, всегда является высшимъ выраженіемъ какой либо одной стороны въ данной области творчества. Если можно сказать, что поэтическое творчество Пушкина—идеаль, образецъ въ области поэтического творчества, то это не значить, что въ немъ достигли полного совершенства одинаково в сѣ стороны поэтического творчества: нѣтъ, онъ только одинъ изъ величайшихъ русскихъ представителей одного изъ видовъ художественнаго реализма. Такъ и Филаретъ. Онъ—великій, гениальный представитель проповѣдничества. Въ его лицѣ русская проповѣдь впервые достигла совершенства, но лишь въ одной изъ двухъ основныхъ сторонъ своего содержанія—въ раскрытіи Свящ. Писанія. Проповѣдническое слово Филарета, по мѣткой характеристикѣ его знаменитаго современника И. С. Аксакова, было дѣйствительно неподражаемое „художественное, важное слово, то глубоко проникавшее въ тайны Богопознаія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ Божественныхъ истинъ“ ¹⁾.

Однако проповѣдь не есть просто объективное истолкованіе Свящ. Писанія, но освѣщеніе свѣтомъ Писанія современной жизни. Филаретъ, соотвѣтственно направленію интересовъ современнаго образованнаго общества, ставилъ себѣ задачей освѣщеніе свѣтомъ Писанія лишь общихъ началъ жизни, такъ сказать вершинъ жизненныхъ явленій, но оставлялъ внѣ поля своего релігіознаго освѣщенія конкретныя, живыя детали и подробности этихъ явленій.

Жизнь, въ живомъ многообразіи ея непосредственныхъ впечатлѣній, не волновала глубоко души Филарета. Онъ былъ холоденъ къ ней, взирая на нее суровымъ окомъ инока, отрешагося отъ міра.

Взоръ Филарета обращенъ къ небу, къ небесному жилищу; и лишь неохотно, какъ бы случайно, останавливается на земномъ. „Наше житіе на небесахъ есть,—должно не смотрѣть на видимое, но на невидимое“, „видимая временна, невидимая же вѣчна“, „евангеліе провозноситъ судъ на всякую любовь міра безъ исключенія: любви міра сего—вражда Богу есть“, „суета суетствій—всяческая суета“... „возненавидѣхъ

¹⁾ Газета „Москва“ № 184.

азъ всяческая міра“, евангеліе земнымъ благополучіемъ угрожаетъ какъ опаснымъ, а презрѣніе сего благополучія полагаетъ залогомъ небеснаго блаженства ¹⁾. Когда человѣкъ, углубленный въ размышленіе, не примѣчаетъ, что происходитъ вокругъ него; или когда объятому печалію самое близкое и пріятное дотолѣ—становится немилю и чуждо. Подобно сему, человѣкъ, занимающійся благоговѣйнымъ размышленіемъ о высокихъ тайнахъ невидимаго, или благоговѣйною печалію по Богу, углубляясь въ свои внутреннія состоянія, отрѣшается отъ всего вѣшняго ²⁾. Вотъ порядокъ мыслей и чувствъ, который господствовалъ въ душѣ Филарета надъ всякими иными мыслями и чувствами въ отношеніи къ земному, и который онъ еще на зарѣ своей проповѣднической славы въ годы молодости не постѣснился категорически высказать въ придворной церкви въ присутствіи императрицы, чѣмъ навсегда и преградилъ себѣ намѣчавшійся было ему путь придворнаго проповѣдника ³⁾.

Эта сурово-аскетическая настроенность Филарета раскрылась въ немъ въ связи съ характерной особенностью его душевнаго склада: онъ былъ человѣкъ прежде всего мысли, а не непосредственныхъ впечатлѣній жизни. Впечатлѣнія жизни сами по себѣ, непосредственно, не въ состояніи были вызывать въ немъ сильныя чувства; лишь освѣщенные, пережитыя мыслью, лишь претворенныя въ идеи и мысленные образы эти впечатлѣнія пробуждали въ его душѣ откликъ чувства; и въ этомъ случаѣ чувство было глубоко и сильно, по мѣрѣ напряженности и глубины работы мысли, и могло доходить до сильнѣйшаго глубокаго одушевленія. Самъ Филаретъ говоритъ объ этомъ своемъ свойствѣ въ одной изъ проповѣдей: „убѣжденіе ума само собою перерождается въ живое чувство сердца, и по той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ солнца правды умножается въ умѣ, согрѣвается и воспламеняется сердце“ ⁴⁾. Холодный къ непосредственнымъ впечатлѣніямъ жизни, Филаретъ былъ горячъ сердцемъ къ умосозерцаемымъ имъ религіознымъ идеямъ и образамъ;

¹⁾ Слова и рѣчи м. Филарета, т. V, стр. 32—33.

²⁾ Слова и рѣчи, т. III, 55.

³⁾ Ср. нашу очеркъ „Платонъ и Филаретъ, митрополиты московскіе (сравнительная характеристика ихъ нравственнаго облика)“, стр. 13.

⁴⁾ Слова и рѣчи, т. I, стр. 3. (Изд. 1873 г.).

онъ воспринимаетъ ихъ не какъ холодный ученый, а переживаетъ ихъ, одухотворяетъ, оживляетъ горячимъ, сильнымъ чувствомъ, какъ *религіозный поэтъ*. Отсюда проповѣди Филарета полны глубокой возвышенной поэзіи въ той мѣрѣ, какъ онъ, отрѣшаясь отъ земныхъ будничныхъ явленій и запросовъ, витаетъ мыслию и чувствомъ въ мірѣ религіозныхъ идей и образовъ: здѣсь Филаретъ даетъ поразительно чудные образцы религіозной поэзіи. Это свойство проповѣди Филарета было отмѣчено современниками еще при первомъ появленіи его въ сѣверной столицѣ и одну изъ первыхъ проповѣдей тамъ на Пасху ¹⁾ 1810 г. наиболѣе придирчивые критики признали даже не столько проповѣдью, сколько религіозной одой или гимномъ.

И дѣйствительно, восторженная религіозная лирика является преобладающимъ элементомъ этого слова. Особенно сильно лирическій, гимнологическій характеръ слова сказывается въ его началѣ.

Христось Воскресе! — „Такъ Онъ воскресъ, христіане!“ „Возсіяла истина отъ земли“ (Псал. LXXXIV, 12), куда низвели ее неправды человѣческія и правый судъ Божій. Печать, наложенная невѣріемъ на хладномъ гробѣ ея, растаяла отъ огня Божества, въ немъ таившагося. Тяжелый камень соблазна, покрывавшій его, упалъ, и только поразилъ Іудейскую жестоковѣрность и Еллинское высокоуміе. Сей гробъ, въ которомъ недавно погребено было „чаяніе“ всея „твари (Римл. VIII, 19), теперь пусть, и небесный вѣстникъ, сѣдя въ его возглавіи, кажется, чертитъ на немъ доселѣ ни одному смертному неприличествовавшее надгробіе, но которое отнынѣ будетъ общимъ надгробіемъ смертныхъ: „Гдѣ ты, смерти, жало? гдѣ ты, аде, побѣда“ (1 Кор. XV, 55)?— Какъ одно мгновеніе измѣняетъ лице міра! Я не узнаю ада; я не знаю, что небо и что земля. Адъ ли это, заключившій рабовъ проклятія, который теперь отдаетъ сыновъ свободы? Земля ли это, гдѣ Божество сіяетъ пренебесною славою? Небо ли это, гдѣ поселяются земнородные и царствуетъ человѣчество? Непостижимое *прежожденіе* отъ совершеннаго истощанія къ полнотѣ

¹⁾ Слова и рѣчи, т. I, стр. 140—144.

совершенства, отъ глубочайшаго бѣдствія къ высочайшему блаженству, отъ смерти къ безсмертію, изъ ада въ небо, изъ человѣка въ Бога! Великая *Пасха!*—Торжествуйте Пасху сію счастливые странники страны несчастной! „И будетъ вамъ день сей въ память и празднуйте той праздникъ Господу во вся годы ваша: законно вѣчно празднуйте его“ (Исх. XII, 14).— Раскроемъ болѣе свойство вѣчной Пасхи, дабы тѣмъ лучше опредѣлить внутреннюю цѣну торжества настоящаго ¹⁾.

Преобладаніе лирическаго элемента ярко выражается и въ другихъ отдѣльных мѣстахъ этого слова; особенно замѣчательно изображеніе внутренней душевной борьбы грѣховнаго человѣка.

„О, бѣдная плоть! лѣнивый прахъ, конемъ подавляется духъ дѣятельный! бремя, которое и въ бѣгствѣ отъ міра слѣдуетъ за мной! другъ вѣроломный, врагъ льстивый! помощникъ—измѣнникъ! страшный—любимый! куда я сокроюсь отъ тебя? мирюсь съ тобою, не побѣдивъ тебя, не насладясь миромъ, возобновляю брань. Ты стонешь, когда изнуряю тебя; когда поблажаю тебѣ, своевольствуешь. Острые терны прободаютъ тебя; благовонныя розы погружаютъ въ нѣгу и расслабленіе. Ты служиши цѣлю для разяженныхъ стрѣлъ лукаваго и даже прикрываешь ковы его. Я стремлюсь къ свѣту Сіона: ты удерживаешь меня *во тьмѣ* египетской. И тогда, какъ ты въ непонятной тебѣ тоскѣ сама совоздыхаешь о Господѣ моемъ,—и тогда, приближаясь къ самому источнику жизни, подобно какъ она Магдалина, все ждешь мертваго тѣла, — чувственныхъ образовъ. „Не прикасайся Мнѣ“ (Іоан. XX, 17), глаголетъ тебѣ Господь: и самый духъ, болѣе или менѣе, принужденъ раздѣлять съ тобою сіе осужденіе.—Кто изъ насъ обезпеченъ отъ сихъ разнообразныхъ искушеній, сокрушавшихъ иногда избранные, повидимому, сосуды благодати?...“ ²⁾

Чрезвычайной, поражающей высоты религіознаго лиризма и вмѣстѣ богословскаго созерцанія достигаетъ слово Фила-

¹⁾ Слова и рѣчи, г. I, 140—141.

²⁾ Слова и рѣчи, I, 142—3.

рета въ трехъ проповѣдяхъ на великій пятакъ, о тайнѣ искупленія, произнесенныхъ въ 1806 г. („совершишася“), въ 1813 г. („Что теперь ожидаете вы, слушатели, отъ слушателей слова?—Нѣтъ болѣе слова!“) и въ 1816 г. („Нынѣ ли о любви“...). Второе изъ этихъ словъ, особенно знаменитое своимъ вступительнымъ художественнымъ оборотомъ, наиболѣе извѣстно. Менѣе широко извѣстны два другихъ слова, открывающіяся вступленіями, поражающими высоту религіозно-поэтическаго вдохновенія и богословскаго созерцанія.

Первое произнесено еще въ Троицкой Лаврѣ предъ лицомъ великаго учителя м. Платона и по его назначенію и отмѣчено въ рукописи похвалою Платона: „прекрасно! прекрасно! Замѣть: прекрасно, такъ какъ мы знаемъ тебя за перваго изъ проповѣдниковъ въ Лаврской Семинаріи“.

„*Совершишася* (Іоан. XIX, 30)! возопишь Иисусъ на крестѣ, и возопишь „гласомъ велимъ“, дабы онъ услышался въ небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ—гласомъ, который расторгнулъ церковную завѣсу, чтобы показать прехожденіе законной сѣни:—гласомъ, который потрясъ землю и прошелъ въ сердца горъ каменныхъ, дабы въ то же самое время проникнуть и— ежели сіе возможно всемогуществу—смягчить каменное сердце ожесточеннаго народа. Но „одебеле сердце людей сихъ“ — жалуется Врачъ души и тѣлеси... О, Распятый! Мы и въ отдаленіи многихъ вѣковъ слышимъ вопль Твой, видимъ язвы Твои—и оружіе скорби сердце наше проходить. *Совершишася*, но Искупитель проданъ, истина осуждена, святость поругана, Богъ оставилъ Бога (Матѣ. XVII, 46). *Совершишася!* Но благословеніе Израилево на дровѣ проклятія, но чаганіе языковъ умираетъ. *Совершишася!* Но падшій человекъ вновь падаетъ ниже прежняго—самоубійца дѣлается „*богоубійцею*“. Какой ужасъ! Какется, адъ радостно скрежещетъ, и гордый врагъ нашъ хочетъ увѣрить себя и своихъ единомышленниковъ, что *все совершилось*—значить *все погубило*.

О, Распятый! мы не соблазняемся о Тебѣ, мы съ учениками Твоими „глаголемъ тя быти Христа Божію силу и Божію премудрость“ (Матѣ. XVI, 16; 1 Кор.

1, 24); мы вѣруемъ, что Ты „глаголы живота вѣчнаго имаша“ (Іоан. VI, 68). Исцѣли словомъ Твоимъ рану Твоими ранами пронзенной души, а вмѣстѣ и загради уста глаголющихъ неправедная; научи насъ тайнѣ страданій Твоихъ; отвори намъ, *какое великое дѣло и и для кого съ Твоею кончиною окончилось?*

Христіане, Онъ не отвѣтствуетъ намъ болѣе. Уже Онъ „преклонилъ главу, предаде духъ“ (Іоан. XIX, 30), какъ бы желая оставить насъ въ размысленіи при крестѣ и гробѣ Своемъ.

Совершишася. Не думайте, чтобы умирающая Премудрость оставила насъ въ невѣдѣніи о таинственномъ знаменованіи сего изреченія. Мы находимъ его прекрасное изъясненіе, начатое въ *книгѣ бытія человѣческаго* и оконченное въ *книгѣ жизни Иисусовой*. Чтеніе сихъ великихъ книгъ можетъ и должно занимать цѣлую жизнь, но нѣсколько строкъ изъ каждой достаточны вразумить насъ“¹⁾.

Слово это, произнесенное на 24 году жизни проповѣдника, носитъ слѣды еще нѣкоторой незрѣлости. Гораздо совершеннѣе третье слово, произнесенное черезъ 10 лѣтъ въ Петербургѣ. Тонъ болѣе спокойный, но по глубинѣ созерцанія и художественной сторонѣ гораздо выше. Слово на текстъ „Такъ возлюби Богъ міръ“ (Іоан. III, 16).

„Нынѣ ли о любви, скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые? Нынѣ ли, когда плодъ вражды созрѣлъ въ вертоградѣ Возлюбленнаго; когда и земля трепещетъ отъ ужаса, и сердца камней разрываются; и око неба помрачается негодованіемъ? Нынѣ ли о любви къ міру, когда и Сынъ Божій, страдающій въ мірѣ, оставленъ безъ утѣшенія, и молитвенный вопль Его: „Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ“ (Матѣ. XXVII, 46)— безъ отвѣта отеческаго?“

Правда, христіане! День вражды и ужаса день сей, день гнѣва и мщенія. Но если такъ, то что съ нами будетъ, когда и земля не тверда подъ нами, и небо надъ нами не спокойно? Куда убѣжать съ колеблющейся земли? Куда уклониться изъ подъ грозящаго

¹⁾ Слова и рѣчи I, 121--122.

неба? Взгляните прилежнѣе на Голгоѳу: и тамъ, гдѣ видится средоточіе всѣхъ бѣдъ, вы откроете убѣжище. Тогда, какъ „трепетна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошася, яко прогнѣвася на ня Богъ“ (Псал. XVII, 8), не видите ли, какъ непоколебимо тамъ стоитъ неукорененное древо Креста? Тогда, какъ и мертвые не почиваютъ въ гробахъ своихъ, не видите ли, какъ мирно почіетъ Распятый на крестѣ Своемъ, сколько ни старались Его совлести славою Спасителя: „нины спасе, себе ли не можетъ спасти“; самымъ достоинствомъ Сына Божія: „аще Сынъ еси Божій: сниди со креста; самымъ благомъ вѣры въ Него: да снидеть нынѣ со креста, и вѣруемъ въ Него? Итакъ, утвердимъ въ сердцахъ нашихъ сію странную и страшную для міра, но радостную для вѣрующихъ, истину: „что во всемъ мірѣ нѣтъ ничего тверже Креста и безопаснѣе Распятаго. Ужасы отъ Голгоѳы для того и разсѣяны по всему міру, чтобы мы, не видя нигдѣ безопасности, бѣжали прямо на Голгоѳу, и повергались у ногъ, и скрывались въ язвахъ и погружались въ страданіяхъ Распятаго Спасителя. О солнце! для чего бы тебѣ закрывать отъ Него лице свое въ полдень, когда великое дѣло тьмы еще при твоёмъ свѣтѣ достигло уже своей полночи, и когда *очи* Всевидящаго, *тмами темъ свѣтъ*, тѣмъ свѣта твоего, и во тьмѣ столь же ясно видятъ позоръ Богоубійства?—Такъ въ твоёмъ негодovanіи впечатлѣно было наше вразумленіе; ты поспѣшало совершить видимый день вражды и гнѣва, дабы препроводить насъ къ созерцаемому дню любви и милосердія, освѣщаемому незаходимымъ свѣтомъ трисолнечнаго Божества.

Христіанинъ! пусть *„тьма покрываетъ землю! Пусть мракъ на языки! Встань* отъ страха, и недоумѣній! *Святися* вѣрою и надеждою. Сквозь тьму „приходитъ свѣтъ твой“ (Псалм. LX, 1, 2). Пройди путемъ, который открываетъ тебѣ раздрающая завѣса таинствъ; види во внутреннее Святилище страданій Иисусовыхъ, оставя за собою вишній дворъ, отданный языкамъ на поправленіе. Что тамъ?—Ничего, кромѣ святыхъ и блаженныхъ

любви Отца и Сына и Св. Духа къ грѣшному и покаянному роду человѣческому.

Любовь Отца—распинающая.

Любовь Сына—распинаемая.

Любовь Духа—торжествующая силою крестною.

Тако возлюбилъ Богъ міръ.

О сеи то любви, христіане, да будетъ позволено мало нѣчто нѣмотствовать предъ вами, поелику изрещи ея даже и не возможно, такъ что само Слово Божіе, дабы совершенно изобразить ее, умолкло на крестѣ¹⁾.

Не менѣе величественной религіозно-художественной картиной открывається слово на день Пятидесятницы 1811 г. на текстъ: „Исполнишася вси Духа Свята“ Дѣян. II, 4.

„Послѣ того, какъ „погрузившійся въ твари“, не могши сносить несозданнаго свѣта, человѣкъ „скрылся“ (Быт. III, 8) отъ Бога, и Богъ скрылся отъ человѣка, дабы не истребить преступника святымъ Своимъ присутствіемъ, „Единый“ Трѣипостасный „по неизреченной благодати, вновь приблизился къ отчужденному“ въ постепенныхъ откровеніяхъ, да „Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца и общеніе Святаго Духа“ (2 Кор. XIII, 13) возставитъ и пакѣ превознесетъ падшаго. Явился Отецъ въ обѣтованіяхъ любви и милосердія и устрашеннаго всемогущимъ правосудіемъ грѣшника провождаль къ ходатайству Сына: явился Сынъ надъ покровомъ человѣчества, и, въ Себѣ Самомъ побѣдивъ грѣхъ и умертвивъ смерть, отверзъ Благодати Святаго Духа дверь къ сынамъ гнѣва: явился наконецъ Духъ Святой въ знаменіи огненныхъ языковъ и проникнулъ въ апостолахъ естество человѣческое, дабы усвоить ему благоволеніе Отца и заслуги Сына“²⁾.

Совершенно характеръ священнаго пѣснопѣнія носить начало слова на Рождество Христово того же 1811 г. на текстъ: „велія есть благочестія тайна, Богъ явился во плоти“ (1 Тим. III, 16).

„Новый Адамъ исходитъ изъ дѣвственной земли.

¹⁾ Слова и рѣчи I, 89—90.

²⁾ Слова и рѣчи I, 1—2.

Жена, источникъ проклятiя, приноситъ росу благословенiя. Является истинный *Ной*, который „упокоитъ насъ отъ дѣлъ нашихъ, и отъ печали рукъ нашихъ, отъ земли, юже прокля Господь Богъ“ (Быт. V, 29). Безродный *Мелхиседекъ* (Евр. VII, 3), рожденный безъ матери, рождающийся безъ отца, приходитъ наследовать Царство и Священство вѣчно. Преходитъ наконецъ долгая ночь страха и ожданiя всемирнаго;—и утреннiй свѣтъ проникаетъ во мракъ Ветхозавѣтнаго Святилища, отверстаго не столько къ ежедневному, сколько къ вѣчному Востоку. Небесная Манна изсыпается изъ стамны, ее сокрывавшей. Жезлъ Исеевъ прозябаетъ вмѣсто увядающаго—жезла Ааронова. Христосъ рождается.

Прiидите, пастыри кроткiе, и обლობызайте Агнца и Пастыря,—Агнца, пасущаго пастырей, и Пастыря, имѣющаго собрать во едино мирное стадо съ агнцами волковъ, и юнцовъ со львами. Прiидите волхвы мудрыя, и поклонитесь тайнамъ древняго младенца; научитесь отъ слова нѣмотствующаго, вкусите отъ ангельскаго хлѣба на трапезѣ безсловесныхъ, и видите, яко благъ Господь. Соимы небесныхъ силъ, „восхваливши“ Господа, „егда сотворены быша звѣзды“¹⁾, удвойте и утройте ваши славословія предъ вашимъ Солнцемъ и для насъ восходящимъ. Христосъ рождается“¹⁾.

Но самымъ любимымъ предметомъ религіозно-поэтическаго и богословскаго созерцанiя Филарета была тайна Благовѣщенiя Богоматери. Отъ первыхъ лѣтъ проповѣдническаго служенiя и до конца жизни съ особою любовiю останавливается религіозно-поэтическiй духъ Филарета, любителя антиitezъ мысли и историческихъ противоположенiй тѣни и свѣта, на этой таинственно-великой грани между ветхимъ и новымъ завѣтомъ. Лирика Филарета получаетъ здѣсь своеобразный чарующiй характеръ какой то особенной мягкости, задушевности, грустно-величавой задумчивости, элегичности. Восемнадцать разъ религіозно-поэтическiй вдохновенный взоръ Филарета-проповѣдника обращается къ этому священному событiю и каждый разъ воспринимаетъ его въ новомъ освѣщенiи, съ новой стороны.

¹⁾ Слова и рѣчи I, 16.

Въ словѣ 1810 года Филаретъ изображаетъ событіе Благо-
вѣщенія въ священно-исторической перспективѣ; слово на
текстъ: „и дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида отца
его, и воцарится въ дому Іаковліи во вѣки“ (Лук. I, 32, 33).

„Прииди, воцарися, Царь блаженства и славы! безъ
Тебя—міръ во злѣ лежитъ (1 Іоан. V, 19); мракъ Еги-
петскій распространяется и угрожаетъ всей землѣ; Твои
враги рыкаютъ, яко скимны, или безопасно засыпаютъ
на трупахъ добычь своихъ; остальные капли елея до-
гораютъ, кажется, въ лампадахъ бдѣщихъ рабовъ Тво-
ихъ и своимъ мерцаніемъ освѣщаютъ повсемѣстную
полночь. Поспѣшай, Женихъ чистыхъ душъ! взыди,
Солнце правды! воцарися, Царь блаженства и славы!

Давно уже бѣдствія челоуѣчества призывали такимъ
образомъ Избавителя. Наконецъ, ожидаемый вѣками день
приближается. Сокрушенный скипетръ іуды, соверше-
ніе седмиць Даніиловыхъ, молва о предопредѣленномъ
судбою новомъ царствѣ, имѣющемъ начаться отъ Іудей,
распространившаяся между самыми язычниками, пред-
варительно возвѣщаютъ о Немъ; Ангель приносятъ
непосредственное о грядущемъ Сѣмени обѣтованномъ
предсказаніе; блаженная Дѣва готовится быть его ма-
терію; чающіе избавленія во Іерусалимѣ исполняются
нетерпѣливости.—Но что послѣдуетъ за симъ ожида-
ніемъ! Великій преемникъ Давидовъ родится въ низ-
комъ семействѣ древодѣла; возрастетъ въ бѣдности;
проведетъ чудесную жизнь свою въ бѣдахъ и напа-
стяхъ; на минуту признаютъ его царемъ, и въскорѣ,
вмѣсто престола, воздвигнутъ для Него крестъ. Онъ
самъ едва не отречется, повидимому, отъ короны Да-
вида отца своего: „царство Мое нѣсть отъ міра сего“
(Іоан. XVIII, 36).—При семъ видѣ, порокъ снова возды-
маетъ чело; малодушіе падаетъ; вѣра и добродѣтель
воздѣваютъ руки къ небу и приываютъ утѣшеніе.—
Свѣте тихій святія славы! послѣ лучъ Твоѣй разсѣять
мглу безпокойныхъ мыслей, да видимъ, хотя зарю на-
дежды, во тьмѣ сѣдѣющіе“¹⁾.

Въ словѣ 1835 г. въ Москвѣ Филаретъ вдохновенно пе-

1) Слова и рѣчи I, 134—5.

реноситъ слушателя въ міръ небесный и изображаетъ удивленіе ангеловъ тайнѣ боговоплощенія ¹⁾; а въ словѣ 1848 года представляетъ священную картину вѣнчанія Гавріила архангела въ Назаретъ.

„Въ какой тишинѣ какое великое событіе совершилось въ день, который торжественнымъ воспоминаніемъ возвращаемъ нынѣ изъ глубины прошедшаго!—Одинъ изъ ближайшихъ къ престолу Вседержителя. Архангелъ Гавріиль, „повелѣнное тайно приѣмъ въ разумъ“, какъ пересказываетъ никѣмъ неслышанное Церковь, знающая небесный языкъ и чинъ, пролетаетъ сквозь всѣ девять чиновъ ангельскихъ, отъ вышняго до нижняго неба и стремится къ землѣ. Небожители смотрятъ и не постигаютъ, что происходитъ. „Желають Ангели проникнуть“ (1 Петр. I, 12). Куда онъ? Не на Синай ли, къ законодателю Моисею, съ новымъ откровеніемъ? Но Синай уже не блистаетъ и не гремитъ; и Моисей уже не тамъ. Онъ совершилъ и увѣнчалъ свое дѣло, когда сказалъ и написалъ: „Пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, Того послушайте“ (Втор. LVIII, 15). Не въ Иерусалимѣ ли, не въ храмѣ ли тамошнѣи, съ чудеснымъ облакомъ къ кивоту Божественныхъ скрижалей съ небеснымъ огнемъ на жертву? Но и кивота сего тамъ уже нѣтъ: дѣло идетъ о томъ, чтобы устроить одушевленный кивотъ Ипостасному Слову Божію. Куда же Архангелъ? Въ неславный Назаретъ, въ малую храмину, къ бѣдной Дѣвѣ, не многимъ извѣстной тѣмъ, что Она необыкновенно любитъ Бога и дѣвство. Она одна слышитъ, что говоритъ Архангелъ; одна сіе знаетъ послѣ его бесѣды: и вѣрный хранитель Ея, праведный Іосифъ, не знаетъ, что совершилось. А что совершилось? Предвѣчное опредѣленіе Божіе о спасеніи падшаго рода человѣческаго приведено въ дѣйствиѣ“ ²⁾.

Но превосходнѣйшею изъ всѣхъ проповѣдей Филарета на Благовѣщеніе нужно признать слово 1843 года. Оно прежде всего даетъ одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ образ-

¹⁾ Слова п рѣчи III, 337—8.

²⁾ Слова п рѣчи т. IV, 541—542.

цевъ вдохновенно-художественнаго, глубокаго проповѣдническаго изъясненія Филаретомъ свящ. Писанія ¹⁾ (гомілетическаго экзегезиса) съ искуснымъ извлеченіемъ изъ него основной мысли или темы проповѣди.—О послушаніи вѣры.

„Рече Маріамъ: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему (Лук. I, 38). Вотъ слова земныя, но которыя, подобно небеснымъ, чище искушеннаго сребра, вождельнѣе золота, цѣннѣе драгоценныхъ камней. Вотъ сокровище, котораго пять тысячъ лѣтъ небеса искали на землѣ, и которое открытъ посланъ былъ одинъ изъ ближайшихъ предстоятелей небснаго Престола!—Подлинно, Архангелъ Гавріиль не только принесъ Дѣвѣ Маріи слово Божественнаго благовѣщенія, но и выскалъ услышать отъ нея слово соотвѣтствія. Когда онъ произнесъ только слово привѣтствія: „радуйся благодатная: Господь съ тобою, благословена ты въ женахъ“: благовѣщеніе о Спасителѣ міра почти уже совершилось, потому что снмъ ознаменована и указана Матерь Господня. Но какъ Дѣва смутилась и, размыслия, молчала, то Архангелъ продолжилъ и усилилъ слово благовѣщенія: „родиши Сына;—Сей будетъ велий, и Сынъ Вышняго наречется;—и Царствію Его не будетъ конца“. Теперь благовѣщеніе со стороны Ангела рѣшительно совершилось: но еще онъ не почитаетъ своего посольства конченнымъ, потому что не то, котораго ждетъ, слышитъ слово: „како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю“. Наконецъ онъ разрѣшаетъ вопросъ: „Духъ Святыи найдетъ на тя“,—и получаетъ взыскуемый отвѣтъ: „се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему“. И вотъ искомое сокровище открыто. Радостнымъ благовѣщеніемъ отъ неба приобрѣтено благовѣщеніе отъ земли къ небу, взаимно вождельнное. Небесное посольство совершенно достигло своей цѣли. „И отиде отъ нея Ангель“—Что жъ это значитъ?... Въ рѣшительномъ

¹⁾ Столь же прекрасный образецъ толкованія того же текста свящ. Писанія представляетъ слово на Благовѣщеніе 1824 г. (Слова и рѣчи II, 148—156), послужившее предлогомъ министру просвѣщенія Шишкову для обвиненія Филарета въ неправославіи (См. Корсунскій, Филаретъ м. Московскій (Харьковъ), 54—60).

изреченіи: „се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему“, -- изрекло себя *послушаніе вѣры*... И сіе послушаніе преклонило душу Ея подѣ осѣненіе Духа Святаго, соединило волю Ея съ волею Божіею, отверзло сердце Ея для входа силы Вышняго; и вѣчный Свѣтъ пришелъ и засвѣтилъ въ Ней жизнь, новую не только для земли, но и для неба, небесную въ земной, вѣчную во временной, Божескую въ человѣческой, всеоживляющую въ умирающей. „И слово плоть бысть, и вселися въ ны“ ¹⁾.

Возвысившись, путемъ вдохновенно-глубокаго проникновенія въ священный евангельскій текстъ, до созерцанія глубины священныхъ переживаній Пресв. Дѣвы въ моментъ Благовѣщенія или, точнѣе, сущности и значенія Ея великаго внутренняго религіозно-нравственнаго подвига въ этотъ моментъ, какъ подвига послушанія вѣры, витія-художникъ даетъ въ своей проповѣди поразительно-художественное изображеніе чрезвычайнаго величія этого невидимаго міромъ внутренняго подвига смиренной „безвѣстной“ Дѣвы. Кто читалъ хотя однажды это мѣсто проповѣди Филарета, тотъ никогда не можетъ забыть того неизгладимо-сильнаго впечатлѣнія, какое оно оставляетъ въ душѣ: все оно состоитъ изъ величавой скалы, возвышающейся въ своей силѣ столь любимымъ художественнымъ духомъ Филарета, дивныхъ антитезъ, постепенно переходящихъ отъ вишняго къ внутреннему и переходящихъ на высоту гимна величію смиреннаго подвига Пресв. Дѣвы; и все обвѣяно какимъ то особымъ, мягкимъ чувствомъ глубокаго сердечнаго проникновенія въ ту непостижимую, вполне священно-таинственную даль, гдѣ въ сумракѣ вѣковъ, на граци завѣтовъ „сѣнь законная“ начинается постепенно разсѣиваться во свѣтъ новозавѣтнаго откровенія.

„Дивны дѣла Твоя, Господи! Дивны Твоя тайны, Богородице!“ Кто слышитъ Твой тихій глаголь въ Твоей затворенной молитвенной храмнѣ? Кто провидитъ, какія огромныя дѣла ведетъ за собою твое малое слово? Міръ ощущаетъ ли сію минуту, въ которую дѣлается переломъ всецѣлой судьбы его, въ которую

¹⁾ Слова и рѣчи III, 235, 236, 237.

измѣняются отношенія между землею и небомъ? Знаетъ ли мечтающій о всемірномъ владычествѣ Римъ, что въ одной изъ дальнихъ областей его, нѣкая дщерь царей, называющая себя „рабою Господнею“, изрекла приговоръ, который готовитъ міру новаго, лучшаго, высочайшаго Владыку, а Риму разрушеніе гордаго и своенравнаго владычества? Гадаютъ ли славныя прорицалища языческихъ народовъ, что изъ устъ безвѣстной Дѣвы излетѣло прорицаніе, которое заставитъ ихъ умолкнуть, низринетъ кумиры и кумирницы, прекратитъ кровавыя жертвы, уничтожитъ кровожадныхъ жрецовъ? Домышляются ли мудрецы міра, что на гласъ Евреянки сойдетъ съ неба „невѣдомая дотоли“ Премудрость, Которая обуиетъ премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергнетъ, но младенцамъ откроетъ тайны, для мудрецовъ непостижимыя?—Что я говорю?—Иерусалимъ и колѣна Израилевы, которыя отъ дальнихъ предковъ знаютъ и хранятъ обѣтованіе Божіе о великомъ Избавителѣ и Умиротворителѣ, и „безпрестани день и ноцъ служаще надѣются доити“ (Дѣян. XXVI, 7) до исполненія,—дослужились они до познанія, что, пройдя обширную область обѣтованія, въ сей день или въ сію ноцъ, внезапно приближались они къ предѣлу исполненія и что предѣлъ сей поставленъ въ Назаретѣ? Книжники, которые столько разъ читали въ книгѣ Исая: „се Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и наречетъ имя Ему Еммануэль“, а едва ли они не столько же разъ недоумѣвали о семъ,—думаютъ ли они, что провидѣнная пророкомъ Дѣва и уразумѣла уже сіе пророчество, и готовится исполнить оное? Знаетъ ли хотя праведный Иосифъ, уже не совсемъ чуждый тайнамъ Приснодѣвы, какъ обручившій Ее себѣ съ тѣмъ, чтобы Ей пребыть дѣвою,—знаетъ ли, что вслѣдъ за симъ Она обручается Духу Святому, чтобы содѣлаться Матерію Господа? Въ цѣломъ мірѣ никому, кромѣ единя, не вѣдомо благовѣщеніе Архангелово, когда оно совершается: а оно долженствуетъ огласить весь міръ, когда совершится. И услышавъ рано простыя, повидимому, слова благовѣщенія Маріинна: „се раба Господня: буди мнѣ по глаголу тво-

ему“,—кто исчерпалъ бы весь ихъ разумъ, ощутилъ бы всю ихъ силу? А ихъ разумъ сливается съ бездною разума Божія, и объемлетъ время и вѣчность: ихъ сила сопрягается съ силою Вышняго и преобразить землю и наполнить небо“ ¹⁾).

Если эта величавая поэзія Филарета-проповѣдника не есть плодъ непосредственнаго чувства, если это не поэзія Ефрема Сирина и не религіозная поэзія Пушкина, то это поэзія „того восторженнаго чувства, какое въ человѣкѣ будитъ отвлеченная мысль на извѣстной высотѣ“ и представителемъ которой въ свѣтской литературѣ былъ напримѣръ современный Филарету поэтъ Д. В. Веневитиновъ ²⁾; это поэзія того восторженнаго религіознаго чувства, которое воспламеняетъ въ сердцѣ вѣрующая мысль на высотахъ богословскаго созерцанія таинъ Божественнаго Откровенія: это поэзія въ духъ великаго Аѳанасія Александрійскаго, какъ характеризовалъ нѣкогда проповѣдь Филарета великій учитель его м. Платонъ. И не случайно знаменитый гениальный витія-поэтъ Иннокентій архіеп. Херсонскій во время предсмертной болѣзни своей, готовясь отрѣшиться отъ земли къ небесному, укрѣплялъ и утѣшалъ свой духъ чтеніемъ проповѣдей Филарета.

Но всякій разъ, когда Филаретъ изъ міра чисто религіозныхъ идей и образовъ по необходимости спускается мыслию въ міръ повседневныхъ явленій и интересовъ жизни, эта мысль, по мѣрѣ своего неохотнаго, подневольнаго приближенія къ землѣ, теряетъ свою власть надъ чувствами и, покинутая имъ, остается одинокой, не согрѣтой, не одухотворенной, холодной. Религіозный поэтъ художникъ превращается тогда въ сухого холоднаго прозаика, прикасающагося къ живымъ нѣжнымъ нервамъ жизни непосредственно тупымъ лезвіемъ холоднаго разсудка. Но и этого мало. Какъ будто орелъ, привыкшій къ ширинѣ небесной, но спустившійся на время на землю, онъ ищетъ вездѣ родной ширинѣ небесной и все земное, ограниченное, условное измѣряетъ масштабомъ родной небесной ширинѣ, все желаетъ видѣть не иначе,

¹⁾ Слова и рѣчи, т. IV, 237—8.

²⁾ Н. Когляревскій, Литературныя направленія Александровской эпохи. Стр. 220.

какъ въ условіяхъ этой небесной шири: взгляды Филарета на отдѣльныя современныя событія и потребности жизни—отвлеченно-идеалистиченъ, нерѣдко слишкомъ далекъ отъ правильнаго представленія всей полноты наличныхъ реальныхъ условій жизни и потому въ непосредственномъ практическомъ приложеніи неизбежно ведетъ къ результатамъ совершенно противоположнаго, не идеальнаго, свойства. Самый яркій образецъ этой глубокой методологической односторонности Филарета-проповѣдника въ отношеніи современной жизни, это его ученіе о государственной власти. Прильбляясь сердцемъ къ умосозерцаемому порядку міра небснаго, гдѣ все исходитъ отъ единой воли Всесвятѣйшаго Бога и все движется этою всесвятѣйшею волею, Филаретъ, и опускаясь мыслію къ землѣ, къ порядку человѣческаго общества, строитъ и земное по небесному: какъ на небѣ—единовластительство безусловное, такъ и на землѣ должно быть также безусловное единовластительство—самодержавіе—разсуждаетъ Филаретъ, совершенно упуская изъ виду, что тамъ на небѣ безусловное единовластительство Существа всесвятѣйшаго и всесовершеннѣйшаго и потому нравственно справедливое, а здѣсь на землѣ нѣтъ и не можетъ быть такого всесовершеннаго человѣческаго существа, и безусловное единовластительство существа грѣховнаго и ограниченнаго не можетъ быть одного порядка съ безусловно—святѣйшимъ единовластительствомъ Божиимъ. Филарету, какъ извѣстно, принадлежать это глубоко идеалистическое по существу, но и столь же глубоко ошибочное, противорѣчащее всемъ безспорнымъ положеніямъ и фактамъ исторической и соціальной науки, ученіе о божественномъ установленіи и божественной природѣ царскаго самодержавія: „Богъ, по образу Своего небснаго единоначалія, устроилъ на земли царя; по образу своего вседержительства—царя самодержавнаго; по образу Своего царства непреходящаго, продолжающагося отъ вѣка и до вѣка—царя настѣдственнаго“¹⁾.

Это отвлеченно-идеалистическое ученіе о государственной власти, прочно утвердившись подъ вліяніемъ авторитета Филарета въ русской церкви и особенно на церковной кандрѣ въ качествѣ непреложнаго почти догмата вѣры, имѣло

1) Слова и рѣчи Филарета, V, 126.

самыя тяжелья послѣдствія и для церкви, и для государства, а прежде всего для самой проповѣди. Оно возвело на степень христіанскаго ученія одностороннюю политическую доктрину и вмѣстѣ съ тѣмъ объявило наличный, крайне уродливый, самодержавный государственный строй неизмѣнно-обязательнымъ требованіемъ христіанской вѣры: въ силу этого всякія иныя политическія воззрѣнія оказались признанными противными вѣрѣ, антихристіанскими, а люди, ихъ исповѣдающіе, — людьми антицерковными, невѣрующими, несмотря на ихъ несомнѣнную для всѣхъ глубокую религіозность; церковь и церковная проповѣдь приняли крайнюю политическую партійную окраску и тѣмъ отшатнули отъ себя большую часть русской интеллигенціи, мужественно боровшейся противъ мрачнаго абсолютизма во имя народно-представительнаго правленія; мало того, самая эта благородная борьба интеллигенціи за благородные идеалы истинной гражданской свободы, оказалась, при практическомъ примѣненіи къ ней Филаретовскаго ученія о государственной власти, борьбой противъ требованій христіанской вѣры, борьбой противохристіанской; а это не только увеличивало въ интеллигенціи чувства отчужденія отъ церкви и церковной проповѣди, но и порождало прямую вражду къ ней, какъ сознательной опорѣ политическаго абсолютизма, и непримиримому врагу политической свободы ¹⁾. И несомнѣнно, конечно, что это ученіе, утвердившись въ Церкви и церковной проповѣди, въ качествѣ религіознаго ученія, укрѣпляло упорство императорскаго абсолютизма въ его нежеланіи дать конституціонныя гарантіи, несмотря на то, что этого неотложно требовали интересы правильнаго развитія народной жизни. И если мы теперь, видя полную анархію въ государственной жизни, припомнимъ, что причина этого лежитъ въ томъ, что своевременно не дана была конституція, долженствовавшая постепенно воспитать народъ для истиннаго народоправства, то мы должны сознаться, что доля вины въ происходящемъ лежитъ, да проститъ мнѣ великій духъ Филарета, въ ошибочномъ и слишкомъ продолжительномъ увлеченіи официальныхъ представителей Церкви

¹⁾ Выясненію этой стороны проповѣднической дѣятельности м. Филарета будетъ посвящено нами нѣсколько специальныхъ очерковъ.

унаслѣдованнымъ отъ Филарета отвлеченно-идеалистическимъ ученіемъ о божественной, будто бы, природѣ императорскаго абсолютизма, при явной, для всего образованнаго общества, фактической несостоятельности послѣдняго.

Современники Филарета уходили въ область отвлеченнаго умозрѣнія именно потому, что любили жизнь со всѣми ея земными цѣнностями, но не могли примириться съ ея искаженіями въ современной трагически-печальной русской дѣйствительности. Ихъ умозрительныя построенія вырастали на почвѣ горячей любви къ жизни во всей полнотѣ ея благъ и столь же горячаго протеста сердца противъ уродовавшихъ жизнь наличныхъ социальныхъ и политическихъ условій. Филаретъ-проповѣдникъ погружался умомъ въ созерцаніе тайнъ Божественнаго Откровенія, витая духомъ на чрезвычайной высотѣ иночески-аскетическаго отреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ, радостей и цѣнностей; на той высотѣ, откуда видны лишь общія перспективы и вершины жизненныхъ явленій, конкретное же, многосложное содержаніе и сущность этихъ явленій недоступны ни созерцанію, ни освѣщенію. Отъ юности чуждый сердцемъ всей полноты земныхъ интересовъ и запросовъ живой земной человѣческой личности, инокъ-аскетъ Филаретъ не могъ понять всей сложной глубины переживаній души современнаго ему человѣка и современнаго общества; не могъ уловить реальныхъ многосложныхъ движущихъ силъ современной общественной жизни. Онъ видѣлъ лишь поверхность общественныхъ движеній, но не могъ понять и оцѣнить ихъ глубокихъ, неизбежныхъ конкретныхъ жизненныхъ причинъ и условій. Онъ видѣлъ въ современномъ обществѣ стремленіе къ гражданской свободѣ, но, чуждый сердцемъ земному, человѣческому, благу гражданской свободы, какъ и многимъ другимъ земнымъ цѣнностямъ, аскетъ-инокъ не могъ, въ рамкахъ своего иноческо-аскетическаго міросозерцанія, указать этому стремленію иного корня, кромѣ „гордости, непослушанія и своеволія“, не могъ отнестись къ нему иначе, какъ съ осужденіемъ и отрицаніемъ. Онъ не зналъ и не понималъ нестерпимыхъ страданій, неугасимыхъ протестовъ задушенной свободной личности, стремящейся къ широтѣ творчества личной и общественной жизни, мукъ подавленнаго общественнаго самосознанія, задавленной совѣсти, сво-

бодной мысли, свободного слова, свободной науки: въ отрѣ-
пленномъ отъ міра аскетическомъ настроеніи Филарета имъ
не могло быть и не было мѣста, потому что сердце Фила-
рета не знало сладости чувства такой свободы, а его ино-
чески-аскетическое міросозерцаніе — святости этого чувства;
вмѣсто того душа его вполне удовлетворялась и умпротво-
рялась сладостью и святостью чувства „смирения и послу-
шанія“, и въ этомъ чувствѣ онъ, предавая себя и другихъ
волѣ Божіей, могъ спокойно примиряться со всякой неправ-
дой личной и соціальной жизни, какъ бы она ни была ве-
лика, если только не исходила отъ него или по его винѣ.—
Его души не возмущали всѣ тѣ ужасы мрачнаго николаев-
скаго режима, отъ которыхъ задыхались всѣ лучшіе люди
того времени. завидуя, подобно Грановскому, тѣмъ, кто
„умеръ во время“; его душа не болѣла тяжелыми ненор-
мальностями современнаго соціального капиталистически-бю-
рократическаго строя и особенно о той величайшей соціаль-
ной неправдѣ, которою въ продолженіе десятковъ лѣтъ му-
чительно терзалась совѣсть всего передоваго русскаго об-
щества—о крѣпостномъ правѣ... Его душа не терзалась ду-
шевными страданіями жертвъ соціального уклада, унижен-
ныхъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ произволомъ силь-
ныхъ и нищетой, тяготами тяжелой борьбы за существова-
ніе среди „безднъ темныхъ насилія и зла“, муками неудав-
шагося личнаго счастья, страданіями неудовлетворенной
жизнью, болѣющей „мучительными вопросами“ жизни души,
наконецъ участію граждански-безправной униженной рус-
ской женщины—вообще всѣми тѣми неправдами жизни, ко-
торыми тяжело болѣла душа и совѣсть передоваго русскаго
общества и о которыхъ оно неустанно и все настойчивѣе и
настойчивѣе напоминало въ пламенномъ словѣ художествен-
ной литературы и критики, особенно съ сороковыхъ годовъ,
въ лицѣ своихъ извѣстныхъ духовныхъ вождей—Вѣлинскаго,
Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Толстого, Некрасова и др.
Подобно Моисею на Синаѣ, стоя въ своемъ религіозномъ
умозрѣніи на далекой высотѣ иночески-аскетическаго отрече-
нія отъ земнаго, Филаретъ смотритъ на всѣ эти далекія
отъ него земныя страданія и тревоженія сквозь отдѣляю-
щій его отъ нихъ густой обликъ иночески-аскетическихъ

идей и настроеній и остается до конца къ нимъ холоденъ сердцемъ и чуждъ мыслию...

Смѣнялись настроенія въ передовомъ русскомъ обществѣ... Проходить эпоха увлеченія отвлеченнымъ умозрѣнiемъ, наступаетъ эпоха „реализма“: отъ созерцанія идей общество переходитъ къ разсмотрѣнiю осязательныхъ фактовъ жизни, жизненной реальности... И вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе становится ему чуждъ Филаретъ-проповѣдникъ съ его оторваннымъ отъ мучительныхъ запросовъ текущей жизни возвышеннымъ умозрѣнiемъ. Онъ былъ и оставался для нихъ выдающимся художникомъ церковнаго ораторскаго слова, но это слово принадлежало или сферѣ того „чистаго искусства“, которое господствовало въ пушкинскую эпоху 20—30-хъ годовъ и которому такъ враждебна была эпоха 40-хъ годовъ, или же прямо переходило въ область того глубоко враждебнаго передовому обществу литературнаго теченiя, которое именовалось „официальной народностью“. Мѣняются люди и поколѣнiя, смѣняются воззрѣнiя и глашатаи общественной мысли и совѣсти: на смѣну пассивнымъ носителямъ отвлеченной мысли приходятъ активные проповѣдники живого, неотложнаго дѣла переустройства жизни—люди шестидесятыхъ годовъ, реалисты и въ мысли, и въ словѣ, и въ дѣлѣ, съ широкимъ кругомъ неотложныхъ вопросовъ, новыми приемами мысли, новымъ жизнеощущенiемъ и жизнепониманiемъ—Герцень, Чернышевскiй, Добролюбовъ, Писаревъ и друг. Жизнь забила необычайнымъ лихорадочнымъ темпомъ, столь чуждымъ строго дисциплинированной мысли и слову Филарета. Подъ страшный гулъ разрома военной мощи николаевскаго режима подъ Севастополемъ, при символически-грозномъ заревѣ его пожарница, затрепали все привычныя основы общественнаго строя и личной жизни. Чуждыми, холодными, потухающими глазами встрѣтилъ семидесятилѣтнiй старецъ витiя новыхъ людей, новыя настроенiя и общественныя движенiя, которыя десятилѣтiями нарастали на его глазахъ, но сущность, размѣры и цѣнность которыхъ уяснить себѣ онъ не могъ. И, подавленный грознымъ напоромъ надвигающейся новой эпохи, Филаретъ, въ смутномъ сознанiи законченности своего жизненнаго подвига, смиренно исповѣдалъ въ письмѣ къ своему „другу“, намѣстнику Лавры арх. Антонiю: „гласомъ силы возгремѣ Господь надъ

Россіей. *Но мы, какъ спутники Павла къ Дамаску, поражены слышаніемъ гласа, и не разумѣемъ, что онъ глаголетъ“* ¹⁾.

Да проститъ мнѣ, высокочтимое собраніе, что, наряду съ великой исторической заслугой Филарета, я касаюсь сейчасъ и этой тѣневой стороны проповѣдническаго таланта Филарета. Эта тѣневая сторона лишь ярче подчеркиваетъ истинное величіе историческаго значенія проповѣдническаго генія Филарета. Филаретъ блестяще разрѣшилъ первую половину основной проблемы, лежавшей предъ русской проповѣдью: онъ неподражаемо искусно вознесъ ее къ мысли, духу и формѣ слова Божественнаго Откровенія и освѣтилъ имъ высшія вершины жизни; въ этомъ отношеніи онъ явился завершеніемъ, чуднымъ увѣнчаніемъ всего предшествовавшего столѣтняго періода исторіи русской проповѣди отъ начала XVIII столѣтія. На время, послѣдующее за эпохой Филарета, падаетъ задача — разрѣшить вторую половину исторической проповѣднической проблемы: свѣтъ Слова Божія, излитый высокимъ умозрѣніемъ Филарета-проповѣдника на вершины жизни, провести дальше, глубже, въ самую толщу жизни, въ самый водоворотъ вѣчно текущихъ жизненныхъ явленій. Разрѣшенію этой новой задачи посвятили свои силы знаменитые преемники проповѣднической славы Филарета, люди иной эпохи и иного психическаго склада: Иннокентій архіеп. Херсонскій, Димитрій архіеп. Херсонскій, Іоаннь еп. Смоленскій, Никаноръ архіеп. Херсонскій, Амвросій архіеп. Харьковскій и цѣлый рядъ другихъ менѣе славныхъ церковныхъ витій. Всѣ они—ученики Филарета: всѣ они исходятъ изъ того великаго, духовнаго богатства, которое извлекло изъ слова Божія высокое умозрѣніе Филарета—проповѣдника; всѣ они пытаются стоять на той же высотѣ внутренняго и внѣшняго сорастворенія проповѣди съ мыслию, духомъ и буквою Священ. Писанія, какую явилъ примѣръ Филарета. Внимательный взоръ изслѣдователя, историка проповѣди открываетъ въ проповѣдяхъ этихъ знаменитыхъ церковныхъ витій второй половины XIX вѣка, что и по содержанію и по формѣ онѣ порождены, обвѣяны и глубоко проникнуты проповѣдническимъ геніемъ Филарета: ихъ слава—есть прежде всего слава ихъ духовнаго учителя и

¹⁾ Письма м. Филарета къ арх. Антонію, III, 329.

отца—митрополита Филарета.—Являясь чуднымъ увѣнчаніемъ предшествовавшаго столѣтняго періода исторіи русской проповѣди, Филаретъ, такимъ образомъ, является одновременно и отцомъ новаго періода русской проповѣди, простирающагося даже до настоящихъ дней.

Отець ряда знаменитыхъ церковныхъ витій послѣдняго времени, Филаретъ-проповѣдникъ, не передаетъ однакоже имъ всю мощь своего витійства такъ, чтобы они могли вполнѣ замѣнить его собою. Они восполняютъ Филарета, но замѣнить его вполнѣ для насъ не могутъ: кто не читалъ проповѣдей Филарета, тотъ слишкомъ односторонне пойметъ характеръ и свойства проповѣди его знаменитыхъ учениковъ, и потому, кто пожелалъ бы учиться проповѣдничеству только по проповѣдямъ Иннокентія, Никанора, Амвросія и другихъ учениковъ Филарета, минуя его самого,—тотъ обрекъ бы себя добровольно заранѣе на односторонне-несовершенное усвоеніе искусства проповѣдничества. Скажу еще рѣшительнѣе: кто не читалъ проповѣдей Филарета, тотъ не можетъ быть хорошимъ проповѣдникомъ. Великій отецъ и учитель нашихъ непосредственныхъ знаменитыхъ учителей проповѣдничества, Филаретъ въ то же время и самъ непосредственно является донинѣ незамѣнимымъ нашимъ великимъ учителемъ въ священномъ искусствѣ проповѣдничества.

Предъ этимъ учителемъ преклонялись наши дѣды и отцы, жившіе непосредственнымъ о немъ воспоминаніемъ: съ благоговѣніемъ должны преклониться предъ нимъ и мы, знающіе его лишь по его безсмертнымъ твореніямъ. Съ полнымъ, глубокимъ убѣжденіемъ преклоняется предъ нимъ и безпристрастная созерцательница судебъ русской проповѣди—наука, проповѣдничества, отъ лица которой я и посланъ засвидѣтельствовать предъ настоящимъ поминовеннымъ собраніемъ объективную, научную правду о неумирающемъ величій Филарета въ исторіи русской проповѣди.

В. Виноградовъ.
